

с Михаилом Садчиковым

Петербургские вечера

ОТ АВТОРА. Петербургская достопримечательность — Митя Шагин. Большой, бородатый, сильный и добрый, всегда улыбающийся. Художник, основавший свое направление, группу «Митьки», движение, товарищество, что само по себе в нашем мире, где все давно изобретено, уже ценно. А Митя еще и сумел втянуть в свою орбиту питерских рокеров, кинематографистов, литераторов. Со всеми находил общий язык, хотя он живой человек, и Митин товарищ, художник, режиссер и писатель Виктор Тихомиров обижается на Шагина, рассказывая не самые приятные истории... Я же до сих пор не могу себе представить, что этот дядя Митя может на кого-то наехать, наорать, ругаться матом... Где Митя басит, там всегда добродушие, улыбка. И на Марата, 36, в подъезде, кодовый замок сломан, а двери митьковской мастерской, куда я заглянул петербургским вечером, открыты...

Дмитрий ШАГИН:

Наши павшие — часовые этого города...

— Митя, кого из петербуржцев вы назовете символом нашего города?

— Сложно говорить про современников, что они являются символом. Проще — об ушедших. Для меня символом нашего абсурдного времени является Даниил Хармс, хотя он трагически погиб, и довольно давно, расстреляли в тюрьме в 1941 году (Митя ошибается: в 41-м Хармс был арестован «за распространение клеветнических и поразительных настроений», а умер в свои 36 лет в феврале 1942-го, во время блокады Ленинграда, в самый тяжелый по количеству голодных смертей месяц, в отделении психиатрии больницы «Крестов»). — Прим. авт.). Если бы этого не случилось, я мог бы с ним познакомиться, потому что он жил напротив, в доме на улице Маяковского, 11. Мы были соседями, буквально через дорогу. И я застал людей, которые были с ним знакомы. Например, Александр Траугот, замечательный петербургский художник. Он был тогда совсем юным и общался с Хармсом. Многие гениальные люди ушли очень рано — и это трагедия России. Из символов нашего города можно отметить поэта Олега Григорьева. Мы дружили долгое время, гуляли, выпивали вместе. Олег был уникальной личностью. Его можно даже сравнить отчасти с Хармсом. Я бы сказал, он — Хармс нашего времени. И тоже рано погиб (в апреле 1992 года в возрасте 48 лет. — Прим. авт.).

Я бы и родителей своих, отца Владимира Шагина и маму Наталью Жилину (семью художников), назвал символами Петербурга. Они представители такого последнего андерграунда. У мамы потом был муж, Борис Смелов, прекрасный фотхудожник.

— Вы были маленьким мальчиком, когда мама вновь вышла замуж?

— Нет. Они поженились в конце 70-х. Мне было уже 17. Борис Смелов, я считаю, уникальная личность. В Москве главным фотографом был Александр Родченко, в Петербурге — Смелов. А в Париже — Анри Руссо. Безусловно символом Петербурга нужно назвать Алексея Германа. Я озвучивал в его фильме «Хрусталева, машину!» финальные слова. Когда героиня едет, и голос из платформы говорит: «Хрена нету?» — это мой голос, за кадром! Алексею Юрьевичу нравился мой бас, он и пригласил меня озвучить эту фразу.

— Митя, вы, наверное, единственный человек, который за «хрена нету» получил гонимый. Обычно после такой фразы начинается драка и уже никто никому не платит!

— Точно! Но я к Герману не за деньгами ходил... На самом деле наш город богат талантливыми людьми. Может, поэтому и выстоял в военное время, пережил блокаду, да и в наше сложное время стоит на плаву. Как пел Высоцкий: «Наши павшие нас не оставят в беде, наши павшие — как часовые». И правда, эти люди — как небесные покровители города.

— Был ли такой момент, когда Петербург на вас давил, сковывал, испытывал на прочность?

— Я никогда не воспринимал город как что-то враждебное. Помню, давно уже у меня была выставка, посвященная Ленинграду, во Дворце молодежи. И параллельно там же был творческий вечер Александра Сокурова, тоже одного из символов нашего города. Он написал в книгу отзывов: «Дмитрий, на ваших картинах Петербург такой радостный и добрый, а я вос-

принимаю этот город, как будто на меня что-то давит». И вот что интересно: со временем Сокуров стал защитником города на Неве. А тогда для него, как для приезжего (Сокуров учился в Горьком, Москве, а на «Ленфильм» попал по рекомендации Андрея Тарковского. — Прим. авт.), Петербург был враждебный и тяжелый. Но все меняется, и он стал ценить наш город. Я думаю, этот взгляд на Петербург у людей иногородних основывается на тех понятиях, что он строился как столица. Опять же эти прямые линии. Как официальный, в общем. Поэтому им кажется, что у города есть что-то враждебное человеку. Однако у нас много удивительных людей, которые намолили этот город, — в частности, Ксения Блаженная, святая петербургская покровительница. Поэтому мой город на меня не давит, а даже наоборот — мне хорошо в нем.

— Что лично вы сделали для Петербурга и что — для вас?

— Оценивать такое — все равно что хвалиться. Все, что я делал, — и картины, и песни, и стихи — так или иначе посвящено Петербургу и людям этого города. Валентина Матвиенко, бывший губернатор Санкт-Петербурга, назвала группу «Митьки» брендом, неким символом петербургской культуры. Я считаю, «Митьки» принесли в наш город нотку доброты. И это очень важный момент. Люди воспринимают нас так, что мы не хотим никого обидеть, никого не хотим победить, в нас нет ни капли агрессии. Получается, что «Митьки» сделали Петербург чуть более уютным и человечным. Ведь тот же замечательный Николай Васильевич Гоголь показывал Петербург как нечто античеловеческое.

Я счастлив, что застал именно тот город, послевоенный, пустынный, когда не было столько машин. Тот образ Петербурга остался для меня самым загадочным и романтичным городом на земле. Это мое восприятие детства, юности.

— Ныне Петербург все больше становится суетным городом, где надо выживать!

— Согласен. Для меня же город остался в работах моего отца, моей мамы, моего отчима Бориса Смелова, мастеров послевоенного поколения. Я даже в Летний сад боюсь сейчас войти, зная, что его «украшают» какие-то пластмассовые скульптуры. Для меня Летний сад — тот, куда меня бабушка водила, и тот Петербург — некий невообразимый культурный пласт, который останется со мной на всю жизнь, единственный такой город на земле.

— Митя, читаете нашу «Вечёрку»?

— Стараюсь. Ее и родители мои читали. Хорошая газета, неагрессивная, о художниках, выставках пишет больше, чем любая другая в Петербурге. Пишет и о Царскосельской премии, о премии «Петрополь», к которым я имею непосредственное отношение, много пишет о самых разных людях Петербурга. Недавно написала о том, как к нам в мастерскую на Марата приезжали дети из благотворительных фондов «Advita», «Дети БЭЛА», «Солнце»... Почему ж не почитать! О блокадниках «Вечёрка» заботится (странно, что до сих пор блокадникам приходится воевать с чиновниками, хотя мы, митьки, тоже знаем, что такое коммунальные войны). И рубрика «Петербургские вечера» у вас тоже добрая, позитивная.